

Научная статья

УДК 81'272

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-112-125

Российские немцы как этноязыковое сообщество: история и современное состояние молодежной возрастной группы в Москве

**Дарья Сергеевна Рязанцева¹
Мира Борисовна Бергельсон²**

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

¹ dsryazantseva@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2452-4453>

² mbergelson@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7617-9356>

Аннотация

С конца сентября 2020 г. до ноября 2021 г. в Российской Федерации проходил Год Германии. Именно сейчас, во время подведения его итогов исследование многогранного этноязыкового сообщества российских немцев, а точнее – его московской диаспоры, представляется наиболее актуальным. В данной статье рассмотрена история сообщества до наших дней и представлено исследование, включающее глубинный анализ интервью респондентов из числа молодых российских немцев возрастом до 35 лет, проживающих в Москве. Главной целью работы стало выяснение современного состояния сознания данного этноязыкового сообщества: вопросы самоидентификации его членов, уровень владения немецким языком, заинтересованность в изучении и сохранении культурного наследия своих предков с учетом того, что московские немцы могли давно утратить связь со своими диалектами и локальными культурами. На протяжении истории существования немцев на территории России отношение к ним неоднократно менялось: от позитивного к враждебному, затем к более нейтральному; от восхваления данного сообщества как грамотных специалистов и новаторов во многих сферах науки и искусства до гонений и репрессий на протяжении первой половины XX в. и отказа в признании в качестве полноценного сообщества. В результате данных действий со стороны государства сообщество российских немцев оказалось в состоянии кризиса идентичности, столкнулось с проблемой постепенного исчезновения их языкового и культурного ландшафта. В свою очередь, интервью, составленные на базе формы, созданной в рамках проекта «Языки Москвы», помогли выявить, что даже в Москве, исторически одном из важнейших центров расселения российских немцев, состояние сообщества является не сильно развитым ввиду низкого уровня присутствия исконно московских немцев. В то же время есть возможность для его развития, так как многие респонденты считают важным передать свое культурно-языковое наследие потомкам и развивать его именно на территории России. Данная работа имеет потенциал для дальнейшего, более глубокого исследования этноязыкового сообщества, в частности с фокусом на диаспоре российских немцев, эмигрировавших в Германию.

Ключевые слова

российские немцы, этноязыковое сообщество, самоидентификация, идентичность, немецкий язык, миграция

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 20-04-019) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2021 г.

Для цитирования

Рязанцева Д. С., Бергельсон М. Б. Российские немцы как этноязыковое сообщество: история и современное состояние молодежной возрастной группы в Москве // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 112–125. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-112-125

© Рязанцева Д. С., Бергельсон М. Б., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 112–125
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 112–125

Russian Germans as an Ethno-Linguistic Community: Historical Development and Current State of the Youth Group in Moscow

Daria S. Riazantseva¹, Mira B. Bergelson²

^{1,2} National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation

¹ dsryazantseva@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2452-4453>

² mbergelson@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7617-9356>

Abstract

From the end of September 2020 to November 2021, the Year of Germany was held in the Russian Federation. At present, while summing up its results, it seems only relevant to do some work on the study of the multifaceted ethno-linguistic community of Russian Germans, especially its Moscow diaspora. In this article, two key points are considered: the history of representatives of the community to the present day and the empirical part of the study that analyzes in-depth interviews of respondents from among young Russian Germans under the age of 35, living in Moscow. The main purpose of the work was to find out what state this ethno-linguistic community is in today: to consider the problem of self-identification of its members, to trace their native language level and interest in studying and preserving the cultural heritage of their ancestors. The study of various sources has shown that throughout the history of the life of Germans in our country, the attitude towards them has repeatedly changed: from positive to hostile, to more neutral; from praising this community as that of competent specialists and innovators in many fields to persecution and repression during the first half of the twentieth century, and, eventually, refusal to be recognized as a full-fledged community. As a result of these actions on the part of the Soviet government, the community of Russian Germans found themselves in a state of identity crisis facing the problem of the gradual disappearance of their linguistic and cultural landscape. Interestingly, the interviews compiled on the basis of a form created within the framework of the "Languages of Moscow" project helped to find out that in Moscow, historically one of the most important centers of initial settlement of Germans in Russia, their community is not visible any more due to the low level of presence of native Moscow Germans. At the same time, there is a chance for its growth since many respondents consider it to be important to pass on their rich cultural and linguistic heritage to their descendants and continue to develop it on the territory of Russia. So, we believe that the current work has a potential for further and deeper research of the ethno-linguistic community, in particular with the focus on the diaspora of Russian Germans who emigrated to Germany (namely *rusacks*).

Keywords

Russian Germans, ethno-linguistic community, self-identification, identity, German language, migration

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University in 2021 (grant no. 20-04-019)

For citation

Riazantseva, D. S., Bergelson, M. B. Russian Germans as an Ethno-Linguistic Community: Historical Development and Current State of the Youth Group in Moscow. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 112–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-112-125

Введение

Российские немцы сегодня – одно из наиболее культурно активных и разносторонних этнолингвистических сообществ в нашей стране. Исторически они оказались раскиданы по самым разным уголкам государства: от Поволжья до Сибири, и, конечно, представлены в двух важнейших его центрах – Москве и Санкт-Петербурге. И если о немецких поселениях в двух первых вышеупомянутых регионах существует множество научных работ, то о Москве как об одном из центров концентрации российских немцев говорят теперь очень редко. В данной статье мы постараемся, во-первых, сделать краткий экскурс в историю существования данного сообщества в пределах столицы и, во-вторых, проанализировать установки молодых российских немцев-москвичей, касающиеся вопросов идентичности, взаимосвязи с немецкой

культурой и отношения к этническому языку по материалам интервью, проведенных предварительно в рамках данного исследования.

1. Краткая информация об истории Немецкой слободы и немцев в Москве

В истории Москвы немцы впервые упоминаются обычно в контексте правления Ивана IV Грозного в середине XV в., когда во время Ливонской войны была создана так называемая Немецкая слобода. Страницы истории, связанные с ней, во многом представляют предмет национальной памяти и гордости современных российских немцев. Именно здесь жили иностранные специалисты, способствовавшие более быстрому переходу России от Средневековья к Новому времени. Государство пользовалось услугами талантливых ученых (в особенности инженеров), военнослужащих (которые становились частью иноземных полков), религиозных деятелей (благодаря которым в Слободе развивалось многоконфессиональное сообщество лютеран, католиков, кальвинистов и т. п.) и простых ремесленников. Что же это было за место, и как оно менялось с течением времени?

Это была обособленная территориальная единица, в которую изначально заселяли пленных солдат самых разных национальностей: датчан, ливонцев, французов и пр. Этноним *немцы* имел в то время свое, очень широкое, значение: «немцами» (т. е. *немыми*) называли тогда не только приезжих из многочисленных германских княжеств, но и иностранцев из Европы в целом. Давать им возможность жить совместно с москвичами тогда было просто опасно из-за возможных протестов населения. Во времена Смуты, например, Слобода была сожжена, и до 1652 г. немцы Москвы жили вместе с москвичами без какого-либо территориального ограничения, пока царь Алексей Михайлович не повелел создать Новую Немецкую (или, что показательно, Иноземную) Слободу. К тому моменту в столице уже также появились католические церкви: Святого Михаила (1613 г.) и Святых Петра и Павла (1626 г.). Последняя и по сей день является одним из красивейших архитектурных сооружений Москвы, хотя, конечно, в ее современном виде не осталось почти ничего от самого первого ее здания.

Как известно, со временем количество иностранцев в России стало только расти, и, конечно же, важнейшую роль в этом сыграл Пётр I, который свою юность провел именно в Немецкой слободе, где познакомился и с одним из главных своих наставников – Францем Лефортом. В 1702 г. именно Пётр повелел издать манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», который позволял приглашать на работу специалистов самого разного профиля – от инженеров до артистов – с гарантией свободного передвижения по территории государства и выезда, налоговыми льготами, повышенным жалованием и т. п. Несмотря на то что большинство из них ехали в Санкт-Петербург, который в 1712 г. был объявлен столицей, приток иностранцев, в частности немцев, в Москву продолжался, хотя и с меньшей активностью.

Поворотным моментом в истории российского сообщества немцев стало официальное приглашение Екатерины II зарубежных специалистов для поселения на свободных землях Российской Империи: только в первые 6 лет с 1763 по 1769 г. в страну с немецкоязычных территорий прибыли около 25 тысяч человек. Им гарантировалась свобода вероисповедания, временное освобождение от уплаты налогов, а также освобождение от военной службы, что было особенно актуально после трагических событий Семилетней войны, ставшей одним из крупнейших военных столкновений в эпоху Нового времени. Впоследствии, начиная с конца XVIII и на протяжении всего XIX в. было еще несколько крупных волн миграции немцев в Российскую империю, в частности во время правления Александра I.

При этом сообщество немцев в Москве становилось всё менее изолированным. Б. Томан отмечает: «В 1812 году Немецкая слобода почти полностью сгорела, что ускорило отток из нее немецкого населения. В XIX – начале XX века немцы предпочитали селиться в районе

улицы Маросейка, Космодамианского (ныне Старосадского) и Колпачного переулков, между Чистопрудным бульваром и Земляным валом и в районе Мясницкой улицы. <...> До революции немцы являлись самой многочисленной национальной диаспорой Москвы, и их число постоянно увеличивалось. В 1912 году для 21 286 москвичей (из 1 617 700) немецкий был родным языком» [Томан, 2020, с. 18–19].

1.1. Культурное влияние немцев

Следует отдельно упомянуть те частички национальной культуры, которые немцы принесли с собой и которые оставили след на Москве и ее жителях. Так, в 1819 г. было создано Немецкое гражданское общество, ставшее позже Немецким клубом. С 1830 г., когда клуб оказался на грани закрытия из-за нехватки финансов, туда стали принимать и русских, которые, тем не менее, были ограничены в правах и не могли участвовать в выборах старшин, что долгое время вызывало конфликты. Немецкий клуб проводил и разнообразные культурные мероприятия: выставки, литературные вечера, а также театральные постановки (в том числе с участием К. С. Станиславского). В 1861 г. в городе возникло сообщество «Лидертафель» – мужской хор, изначально созданный в Берлине, но постепенно расширивший свою географию на другие города Европы. Внесли немцы разнообразие и в литературную жизнь Москвы. Имена Н. Гербеля (редактор собрания сочинений И. Гёте), семьи Миллеров (Ф. Миллер – переводчик, его сыновья О. Миллер и В. Миллер – фольклористы и литературоведы), Г. Кнопа (автор произведений о немцах, эмигрировавших из Германии), Г. Бахмана (создатель литературного кружка, членами которого были, в частности, К. Бальмонт и В. Брюсов) остались в российской культуре. В 1870 г. начался регулярный выпуск «Московской немецкой газеты», которая выходит и по сей день. Немецкие педагоги, такие как Иоганн Эрнест Глюк и Франц Иванович Крейман, основали первые гимназии, а в создании Московского университета важнейшую роль играли немецкие профессора. Московские немцы также активно участвовали в создании благотворительных учреждений (например, Евангелического попечительства о бедных), и именно они создавали учебные заведения для детей с ограниченными возможностями и особенностями развития (здесь можно вспомнить школу Г. Дикгофа для слепых).

К началу XX в. немецкое сообщество Москвы, несмотря на свою относительную малочисленность, оставалось социально, политически и экономически очень активным. После Первой русской революции 1905 г. основано «Московское немецкое общество», которое было открыто для всех российских немцев и призвано сохранить немецкую национальную культуру. В Москве перед Первой мировой войной появляется молодое поколение этнических немцев, рожденных и выращенных на стыке двух культур, и вместе с ним, как пишет А. В. Келлер, «новый тип русского интеллигента немецкого происхождения, который <...> был посредником между немецкой и русской культурами, которые ему были родными. В немецком обществе были выработаны механизмы совместного культурного сосуществования немецкой и русской культур в крупной городской агломерации», а сам новый тип русского интеллигента стал моделью «примирения двух “национализмов” и примером отсутствия национальной ограниченности» [1997, с. 94].

1.2. Дискриминация и репрессии

С началом Первой мировой войны количество немцев, переселявшихся в крупные города, в том числе в Москву, резко увеличилось. На то есть ряд объективных причин, отмеченных в работах по теме миграции основных этнических групп Российской империи [Григорян, 2019, с. 25] в те годы, например:

- принудительное выселение немцев и евреев из прифронтовой полосы как «политически нелояльных»;
- преобладание в этой категории городского населения, которое было расположено поселиться в Москве;

- этническая напряженность в некоторых западных губерниях, которая вызывала миграцию в более спокойные регионы страны.

Однако и в Москве немцы были во многом ограничены в действиях, не могли спокойно общаться на родном языке и работать. В частности, на протяжении 1914–1915 гг. неоднократно случались немецкие погромы, крупнейшие из которых произошли летом 1915 г.¹

Таким образом, для немцев как в Москве, так и по всей России начинается очень непростая пора². В 1917 г., с приходом новой власти в стране, немцам пришлось адаптироваться к новым политическим и культурным реалиям, несмотря на то, что они стремились сохранять свой традиционный уклад довоенного и дореволюционного времени. Особенно сильно революция «ударила» по религиозным убеждениям: многие из немцев были раньше³ и остаются до сих пор глубоко верующими. Отдельно стоит упомянуть религиозную группу меннонитов (ответвление протестантизма, пропагандировавшее, в частности, отказ от военной службы), которые активно эмигрировали в то время: более 20 000 человек покинули страну.

И если 1920-е гг., послевоенное время, для российских немцев в целом и московских немцев в частности было относительно спокойным, то уже в 1930-е начались радикальные действия со стороны власти, включавшие в себя массовые аресты, закрытие католических и лютеранских церквей, ликвидацию некоторых культурных организаций, таких как «Лидер-тафель» и Немецкий клуб. Репрессии коснулись даже тех немцев, которые до этого играли важную роль в политической жизни СССР, таких как Ф. Платтен и К. Никсдорф. «Немецкий коммунист с 1919 г. Курт Никсдорф начал работу в Советском Союзе в 1928 г. как политэмигрант, тогда же он вступил в ряды членов ВКП(б). Более четырех лет он был редактором “Moskauer Rundschau”, <...> “немало сделал для пропаганды СССР среди западноевропейской интеллигенции”. <...> Никсдорф в качестве доцента преподавал в Московском институте новых языков⁴, который с начала 1930-х годов готовил кадры квалифицированных переводчиков. В 1931 г. его учеником был В. М. Молотов <...> успешная социокультурная адаптация К. Никсдорфа прервалась в 1935 г. Его исключили из партии, арестовали по подозрению в пропаганде националистических идей, судили и приговорили к заключению в исправительно-трудовом лагере» [Иванова, 2006, с. 783].

В результате большая часть немцев предпочитала не указывать свою национальную принадлежность в документах, записываясь русскими.

1.2.1. Частный семейный кейс автора статьи

Данная ситуация относительно знакома автору настоящей статьи Дарье Рязанцевой (далее – ДР), поскольку она имеет частично немецкое происхождение. Хотя семья ДР и не считает себя частью немецкоязычной культуры, поскольку история пребывания предков-немцев в России не уходит дальше начала прошлого века, семейная история ДР представляет собой кейс, на примере которого хорошо прослеживаются и история, и современная ситуация с лингвокультурным наследием российских немцев.

Прапрадедушка ДР, будучи наемным рабочим, русским по национальности, в поиске работы в Восточной Пруссии женился на немке по имени Мария, с которой они переехали сна-

¹ Айрапетов А. Р. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Западная Русь. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/307-1915-36.html> (дата обращения 01.09.2021).

² Нойфельд, Катарина. Из истории российских немцев // Сайт Музея истории и культуры российских немцев. URL: <https://www.russlanddeutsche.de/ru/rossijskie-nemtsy/istoriya/iz-istorii-rossijskikh-nemtsev.html>. (дата обращения 01.09.2021).

³ «Многие старшеклассники, например, после уроков спешили к пастору на занятия по подготовке к конфирмации, где изучали Священное Писание и катехизис. <...> в то время не пройти конфирмацию для них, советских школьников из лютеранских семей, было немисливо: тот, кто не подтвержден, не мог считаться полностью совершеннолетним <...> Авторитет <...> родителей был для них неизмеримо выше школьной атеистической пропаганды. Педагоги знали, куда ходят их питомцы после уроков, но сделать ничего не могли» [Томан, 2016, с. 275].

⁴ Ныне Московский государственный лингвистический университет.

чала в Берлин, а в 1920-х гг. уже с тремя детьми – в Москву. Изначально имевшие немецкие имена Лизхен, Бруно и Витте, они стали по советским документам Елизаветой, Борисом и Виктором и были записаны как русские. Во время Великой Отечественной войны они старались скрывать свое происхождение, не говорили по-немецки, но отец ДР помнит, что, общаясь со своей бабушкой Лизой, всегда отмечал ее явный немецкий акцент.

1.2.2. Репрессивные меры против российских немцев с началом Великой Отечественной войны

Осенью 1941 г. были приняты постановления о депортации немцев, проживавших на территории Москвы и Центральной России, в Казахстан, Сибирь и Среднюю Азию, а в 1942 г. по постановлениям Государственного Комитета Обороны (ГКО) «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» более 700 тыс. российских немцев были отправлены на принудительные работы в системе ГУЛАГа. Имеются свидетельства о том, что немцам просто запрещали жить в Москве, и им приходилось перебираться в отдаленные районы⁵.

В статье «Из истории российских немцев» Катарина Нойфельд описывает жесткие ограничения, введенные в СССР в отношении российских немцев в 1940-х гг.: «С нападением Гитлера на Советский Союз в 1941 году немцы в Советском Союзе были поставлены на комендатурский спецучет. Им было запрещено покидать место жительства без разрешения коменданта»⁶. Тяжелым ударом для немцев, отправленных в спецпоселения, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». В Указе устанавливалось, что немцы, как и все другие народы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда без права возврата к прежним местам жительства.

1.3. Кризис идентичности в послевоенные годы

Конечно же, такие действия со стороны власти привели к тому, что в послевоенные годы кризис идентичности среди российских немцев стал ощущаться еще острее. Они были фактически лишены прав на нормальную жизнь и ограничены в передвижении. Им приходилось отрекаться от собственного культурного наследия, следовать своей религии лишь подпольно, растворяться среди русскоговорящего населения. «Советское руководство, решая социально-политические задачи по нейтрализации “неблагонадежного” контингента в районах выселения, – констатирует Матвеева, – фактически провоцировало появление новых проблем в местах депортации и спецпоселения. Длительная бытовая неустроенность тормозила социальную адаптацию переселенцев, обостряла у них чувство социальной незащищенности и несправедливости, а сами немцы, удаленные от своих очагов, не становились лояльнее к репрессировавшей их власти. <...> российские немцы оказались перед реальной угрозой растворения в инонациональном окружении, потери этнического самосознания» [Матвеева, 2011, с. 23].

Именно поэтому, как только в 1972 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», число немцев, эмигрировавших на свою этническую родину, в Германию, резко увеличилось. С середины 1980-х эмиграция этнических немцев с территории России стала как никогда активной. Главной причиной этого было бездействие власти

⁵ «<...> Сначала папе запретили жить в Москве на улице Горького – он прописался на Сретенке (улица в центре Москвы – Г. У.), запретили в Москве – поселился в Малаховке (поселок в 30 км от Москвы. – Г. У.), запретили в Малаховке – уехал в Конаково (город на Волге. – Г. У.), а потом в Курган в Сибирь, где работал до 1957 г.» (Ирина К., 76 лет)» [Ульянова, 2010, с. 83].

⁶ Нойфельд, Катарина. Из истории российских немцев.

даже в условиях нового политического курса – «перестройки» – в отношении столь долго угнетаемого этноязыкового сообщества. Декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» от 14 ноября 1989 г., в которой было обозначено право российских немцев на материальную компенсацию в связи с понесенными убытками на фоне репрессивных действий государства против них, так и не была реализована. Из официальных статистических данных, касающихся эмиграции российских немцев в тот период: «Всего за 15 лет – с 1989 по 2004 год – в Германию из бывшего СССР выехали 2 152 тыс. этнических немцев и членов их семей»⁷.

2. Самоидентификация и этносознание современных московских немцев по материалам интервью

Немцы, которые решили остаться в России, сегодня пытаются различными способами поддержать свою идентичность с помощью создания и развития различных культурно-общественных объединений. Большая часть из них находится и осуществляет свою деятельность именно в Москве. Например, Российско-немецкий дом на Малой Пироговской улице существует уже более 20 лет и дает крышу над головой таким организациям, как Международный союз немецкой культуры, Общественная академия наук российских немцев, общественная организация российских немцев *Gemeinschaft*, Фонд российских немцев, Немецкое молодежное объединение (НМО), Молодежный клуб российских немцев г. Москвы «*Warum бы и nicht*». Именно с членами последней мы общались в формате глубинных интервью, для того чтобы понять, каковы перспективы развития сообщества российских немцев как в Москве, так и в стране целом. Интервью имели полуструктурированный формат и включали следующий ряд вопросов.

1. Расскажите про себя, где учитесь / работаете, живете.
2. Расскажите про своих родственников-немцев: с чьей стороны идут, как и когда предки-немцы попали в Россию, почему здесь остались. В каком возрасте вам подробно рассказали о них?
3. Говорили ли в семье с вами на немецком, учили ли вы его в школе, университете, где-то еще?
4. Где вы используете немецкий в повседневной жизни?
5. Ощущаете ли вы свою «немецкость», принадлежность к немецкой культуре?
6. Хотели бы переехать в Германию? Изучаете каналы / аккаунты эмигрантов, уехавших туда?
7. Близка ли вам немецкая культура: кино, литература, музыка и т. п.?
8. Будете ли вы прививать своим детям язык, культуру Германии?
9. Как вы относитесь к сообществу российских немцев? Участвуете ли вы в мероприятиях, организованных ими? Какие ресурсы, посвященные жизни российских немцев, вы знаете?
10. Какова ваша религиозная принадлежность?
11. Как ваши коллеги / друзья относятся к вашему этническому происхождению? Не чувствуете ли вы дискриминацию или презрение по отношению к себе?
12. Продолжите фразу «Быть российским немцем – это...».

Все респонденты дали согласие на то, чтобы материалы интервью были использованы в научном исследовании, а их слова цитировались в соответствующих публикациях.

Ниже мы описываем кейсы наших респондентов, выделяя основные положения и иллюстрирующие их отрывки интервью. Такой описательный формат анализа и презентации данных был выбран в силу того, что небольшое количество собранных интервью (всего от четырех

⁷ Савоскул М. С. Почему мигрант мигранту не всегда друг, товарищ и брат? Статья вторая // Демоскоп Weekly. 2016. № 681-682. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema01.php> (дата обращения 01.11.2020).

респондентов) не позволяет делать широкие, тем более статистические обобщения, что было бы и неправомочным при анализе уникальных нарративов о жизни при широте поставленных интервьюером вопросов и глубине данных ответов. Такой подход к описанию «рассказов о жизни» лежит в русле современных тенденций социолингвистики при исследовании социальных практик утери и сохранения лингвокультурной идентичности. В разделе 3 «Обсуждение и выводы» мы анализируем представленный материал, сопоставляя данные, пропущенные через субъективное восприятие респондентов, с известными фактами недавней истории и описанными моделями утраты / сохранения лингвокультурной идентичности различными этническими сообществами как на территории нашей страны, так и за ее пределами.

2.1. Кейс Ксении

Первым респондентом, откликнувшимся на просьбу об интервью, стала Ксения, студент факультета политологии в НИУ ВШЭ и одна из организаторов сообщества «*Wagun* бы и *nicht*». Она активно участвует в деятельности разных объединений российских немцев уже более десяти лет, еще с того времени, когда жила в Павлодаре и позже – в Новосибирске. Впервые о своих немецких корнях она задумалась, когда делала в качестве домашнего задания семейное древо, что послужило поводом для более глубокого исследования своей родословной и последующего вступления в организацию «Возрождение». Родственники-немцы идут у Ксении со стороны отца, как и, кстати говоря, у большей части российских немцев. Как давно они прибыли в Россию, ей выяснить не удалось, потому что в момент нахождения в ссылке в Павлодаре ее дедушка, «чтобы хорошо существовать», сменил фамилию на русскую, и никаких немецких документов не осталось. Немецкий язык Ксения начала учить уже в осознанном возрасте после переезда в Новосибирск, где был разговорный клуб, однако так и не достигла высокого уровня, оставшись на данный момент только на начальном. Правда, у нее есть намерение продолжать изучение языка в Москве. В семье язык фактически не использовался, за исключением некоторых фраз, которые говорили бабушка и дедушка по отцовской линии. Однако свою принадлежность к немецкой культуре Ксения начала ощущать еще в детстве, так как ее семья праздновала две Пасхи и два Рождества – католические и православные.

Сильным стимулом стал внешний фактор: она начала осознавать свою связь с Германией благодаря участию в различных мероприятиях в сообществах российских немцев. Так, например, Ксения открыла в себе интерес к немецкой кухне, принимала участие в многоязычных театральных постановках, где актеры могли общаться параллельно на трех языках: русском, казахском и немецком. После переезда в Новосибирск она ощутила, что ей не хватало «какой-то межнациональной идеи», культурного разнообразия, имевшегося в Казахстане, так что она организовала проект, посвященный кухням разных народов, участники которого регулярно встречались и презентовали обычаи, традиции, одежду и, конечно же, национальные блюда своих культур⁸. Она собирается прививать любовь к немецкой культуре своим детям, тем более что это уже «глубоко вошло» в нее.

При этом Ксения не планирует переезжать в Германию в будущем, и ее туда «никогда не тянуло», хотя у нее есть родственники, которые там живут. И, как будет видно из ответов следующих респондентов, это достаточно распространенная позиция. Как и у многих представителей сообщества, у Ксении возникали моменты недопонимания в общении с коллективом из-за ее корней: она вспоминает, как в школьные годы ее одноклассники могли отпустить комментарии в ее сторону, связанные с темой фашизма, однако это было не очень распространено ввиду того, что она жила на территориях с немецкими поселениями. На вопрос «что для нее быть российским немцем?» Ксения ответила: значит «сохранять свою

⁸ Стоит также отметить, что Ксения активно поддерживает связь с членами новосибирского и павлодарского сообществ и встречается с ними на мероприятиях федерального уровня под эгидой НМО.

идентичность, потому что [пройдет] буквально пару поколений, и сложно будет человека назвать российским немцем». В конце она подчеркнула также важность популяризации общества и сохранения традиций в семье.

2.2. Кейс Николая

Вторым респондентом стал Николай, коренной москвич, окончивший исторический факультет МГУ и работающий на момент написания статьи координатором проектов в Московском центре урбанистики «Город». В его семье немецкие корни идут со стороны матери, являющейся частью известного в России рода Раушенбахов, ведущего свое начало с конца XVII в. и прибывшего в Российскую империю ок. 1766 г. Предыдущие поколения его семьи жили под Саратовом в одном из немецких поселений, а первым родственником, кто переехал в Москву, стал его дедушка, уехавший в столицу учиться. Замечательно, что в семье Николая есть энтузиасты, в частности его дядя Георгий, который ведет сайт⁹, посвященный истории их семьи. Как и Ксения, Николай узнал о том, что в его роду есть немцы где-то в подростковом возрасте, когда стал больше уделять внимания своему происхождению «в связи со становлением личности». Схожи они и в том, что в семье с ним практически не говорили на немецком, за исключением каких-то отдельных фраз; более серьезно изучать язык он начал в школе в качестве второго иностранного и продолжает делать это и сейчас, а также ищет собеседника для переписки на немецком.

На вопрос об ощущении «немецкости» в себе Николай ответил весьма четко, что он, скорее, «русский с немецкими корнями», а не российский немец, аргументируя это тем, что немецкой крови в нем уже не очень-то и много, и он «идентифицирует Россию как свою родину, но при этом не хочет забывать, что он не полностью русский». Тем не менее, мы предполагаем, что по официальной терминологии Николай является как раз российским немцем. Николай также отметил, что, возможно, хотел бы эмигрировать, но поскольку «выбор – это испытание <...> дальше сбора развединформации дело не идет». Также он не очень понимает, как будет себя идентифицировать в самой Германии, так как разность менталитетов все-таки присутствует. Тем не менее, что касается аспекта изучения немецкой культуры, Николай называет себя «германофилом» (его интересует история страны), и он хотел бы улучшить свой академический немецкий, чтобы писать научные статьи по данной теме. Однако активно прививать своим детям интерес к Германии он не собирается, с его стороны «насаждения не будет».

Сам он старается по мере сил участвовать в мероприятиях, проводящихся в Российско-немецком доме, Николай также поделился забавным фактом: в советское время членов его семьи принимали за евреев из-за необычной фамилии, и это помогает оценить предубеждения относительно конкретных национальных сообществ.

Его мама стеснялась, например, когда на публике демонстрировалась их «немецкость» – общение на этническом (немецком) языке. Для Николая же не было никаких проблем, связанных с его корнями, в университете он рассказал о своем происхождении и был для сверстников Клаусом. Однако Николай все-таки понял, что быть российским немцем несет в себе «ощущение инаковости, отличности от других» (но более в позитивном смысле, а не в негативном), а также означает «быть другим, но всё равно ощущать свою причастность к России».

2.3. Кейс Таисии

Таисия окончила факультета иностранных языков и регионоведения; изучала немецкий, английский и чешский; работала гидом-переводчиком по Москве (а также по городам Золотого Кольца и Санкт-Петербургу) для немецких туристических групп. О своей частичной

⁹ Краткий курс истории российских Раушенбахов // История рода российских Раушенбахов. URL: <http://www.rauschenbach.ru/ru/istoriya/razdel-istorii-1> (дата обращения 01.09.2021).

принадлежности к немцам она узнала рано, в девять лет. Немецкая этничность идет в семье по материнской линии: бабушка Таисии – российская немка, жившая в поселении под Саратовом. Девушка не смогла назвать его точно, но вспомнила, что в рассказах старших мелькал город Мариенбург (ныне Мальборк), откуда ее бабушка Эмма и прабабушка были сосланы в 1936 г. сначала в Пятигорск, а затем в Казахстан. Они не смогли забрать с собой документы, и имя бабушки было изменено на русское, она стала Марией. Информацию о ее настоящем имени родители Таисии смогли найти позднее в архивах поселения, где были обнаружены документы бабушкиной сестры.

В 2003 г. она с семьей съездила в Германию в Аахен, куда сестра ее бабушки эмигрировала еще в 1990-х, где она, собственно, и узнала о своем происхождении. Свое детство Таисия провела в Ташкенте, где посещала лютеранскую церковь, поскольку ее крестили именно как лютеранку; сейчас она посещает по праздникам Кафедральный собор святых апостолов Петра и Павла в Москве, отмечает два Рождества и две Пасхи. Занималась в немецком культурном центре, где они проводили разнообразные мероприятия, например выступали с немецкими народными танцами и ставили пьесы; всей семьей учили немецкий, так как семья Таисии готовилась к переезду в Германию, но из-за путаницы в документах бабушки, они не получили визу на въезд.

Немецкий язык не использовался в семье совсем: бабушка Таисии забыла его, так как ее мама прекратила с ней на нем общаться, и в дальнейшем ее преследовал страх «быть обнаруженной». Таким образом, девушке пришлось изучать язык с азов, более того, в ее школе была реализована программа DSD (Deutsche Sprachdiplom), которая дала возможность изучать язык с носителем и к одиннадцатому классу достигнуть уровня C1.

Сейчас Таисия преподаёт немецкий и использует его в работе, а также иногда общается на нем с однокурсниками. И хотя ее семья долго стремилась к переезду, сама Таисия не хотела бы этого для себя. Одна из причин – предпочтение русского культурного кода (у немцев для нее «слишком много правильности»), и если, например, в своей маме девушка ощущает «немецкость», то в себе – нет.

Однако, что касается высокой немецкой культуры, то в Таисии всё же находит отклик классическая литература («Фауст» и сказки братьев Гримм, например); произведения немецких авторов она старается читать в оригинале; своих детей она также намерена знакомить с языком и литературой этнической родины. Еще в Ташкенте она организовала свой языковой клуб, куда приглашала немецкоязычных участников, в том числе музыканта Марко Элрета, который перепевает советские песни на немецком языке. Сейчас она почти не принимает участия в деятельности НМО или каких-либо других организаций из-за загруженности на работе, но следит за новостями.

Таисия подчеркнула, что реакция других людей на ее происхождение была сугубо положительной, им это казалось интересным, и для себя она определила, что быть российским немцем «необычно» и «очень здорово», потому что есть много дополнительных возможностей и чувство, что «ты отличаешься от общей массы».

2.4. Кейс Андреаса

Последний из респондентов на момент написания данной статьи недавно перебрался в Москву. Андреас (изначально Андрей, но имя изменили «для благозвучия»; а его мама из Людмилы стала, Люцией) переехал с семьей в Германию в 1997 г., его мать – российская немка. Проведя там всю свою сознательную жизнь и получив образование политолога, он решил стать экспертом по российско-немецким отношениям и, соответственно, пожить и «на родине» тоже. В итоге Андреас устроился в Российско-германскую внешнеторговую палату в Москве.

О немецкой части своей семьи молодой человек впервые узнал от бабушки: их предки прибыли в Россию из Баден-Вюртемберга и поселились возле Саратова. В 1930-е гг. прадедушка Андреаса попал в трудовую армию (и не вернулся оттуда), а прабабушку и бабушку

отправили на Алтай. Позже дедушка работал в Сорске (Республика Хакасия), где в итоге и познакомились родители Андреаса. В начале 1990-х часть семьи молодого человека уже переехала в Германию, с началом активной волны репатриации, а он сам и родители оказались там в 1997 г., поскольку они очень долго ждали получения разрешения на въезд.

До приезда в Москву Андреас жил в земле Северный Рейн-Вестфалия, известной своей развитой добывающей и сталелитейной промышленностью. Что касается использования немецкого в семье, то и после миграции в Германию оно было ограниченным, что вполне объяснимо ввиду, если так можно выразиться, культурной инерции: родственники продолжали общаться между собой на русском, и на немецком внутри семейного круга говорила только прабабушка Андреаса, но ей всё равно отвечали на русском. Другими словами, семья осталась в Германии двуязычной, выработав сразу же свой механизм переключения языковых кодов.

Стоит отметить, что никто из ее членов никогда не отрицал в себе «русскую идентичность». Андреас не помнит, как он выучил немецкий, подчеркивая, что он «вырос с двумя языками», т. е. его воспитали в билингвальной традиции: его мама – учитель немецкого, – стремилась как можно быстрее дать сыну знание языка: по приезде родители юноши сразу начали работать, и адаптация должна была быть максимально быстрой.

Так, например, для лучшего понимания культурных кодов они даже посещали евангелическую церковь местного сообщества, сами оставаясь православными. В то же время с вопросом своей идентичности Андреас за годы жизни в Германии «сталкивался почти каждый день». Ему было сложно стать частью немецкого общества: на момент их переезда между мигрантами и немцами существовало «состояние напряженности», местные жители их «отрицали». Из-за этого общался он преимущественно с выходцами из Турции и Ливана, и, став подростками, они все проходили этап «идентификации со своей [новой] родиной». И в тот период он считал себя больше русским, и сами немцы видели его именно так, поскольку для них он был «Ausländer», «иностранец».

Но, приехав в Россию в первый раз, он понял, что и немецкая составляющая в нем стала очень сильна, и в России его, в свою очередь, воспринимали «не как своего», не знали, «как с ним обращаться». Бывало, что во время его визитов к родственникам в Сорск, соседи приходили на него посмотреть, как на некую экзотику, «как будто в зоопарке». Однако он с большим энтузиазмом говорил о том, как ему интересно погрузиться в русскоязычную среду, ведь в немецкой ему уже стало «скучно».

Что касается культуры, Андреасу близка немецкая современная музыка, в частности рэп; более того, он сам его читает и пишет тексты. Медиаконтент же он изучает как на немецком, так и на русском, так как ему интересен актуальный сленг и новости о России. Своих детей он планирует растить в билингвальной среде, общаться с ними как на немецком, так и на русском и «инвестировать все ресурсы» в изучение ими как этих, так и других языков. Андреас признался, что ему хочется «исчезнуть в толпе», хотелось бы «заново стать русским» и что «Я не могу найти себе дом». Он понимает, что быть российским немцем – это «сложно», в том числе и из-за их тернистого исторического пути и коллективной травмы, перенесенной ими в XX в.

3. Обсуждение и выводы

Какие же ключевые выводы мы можем сделать на основе краткого обзора истории московских немцев и четырех социолингвистических интервью на темы семейной культурно-языковой истории?

Во-первых, московские немцы прошли во многом путь не менее сложный, чем российские немцы из других регионов, испытав в первой половине XX в. много тягот и лишений. Тем не менее, они внесли неоценимый вклад в культурный облик столицы, сделав ее такой, какой мы ее знаем сегодня: целые районы Москвы, такие как Лефортово и Басманный, напоминают

нам о поколениях немцев, живших в них, и ведших активную общественную деятельность, в частности просветительскую: участвовали в строительстве и развитии учебных заведений, в том числе таких, которых до этого не существовало в принципе, например для людей с ограниченными возможностями, и организовывали новые печатные издания, клубы и кружки.

Во-вторых, найти исконно московских немцев сейчас уже не так-то просто. Как мы можем заметить из биографий наших респондентов, все они являются москвичами не дальше третьего поколения, будучи потомками тех, кто в середине XX в. перебирался в Москву с совершенно конкретными целями, будь то учеба или новые карьерные возможности. Укорениться глубже, как настоящие москвичи, смогли уже их дети.

В-третьих, практически для всех четырех респондентов, с их разными нарративами о жизни, действительны несколько общих ключевых характеристик лингвокультурного поведения и речевых практик, а именно: они нечасто задействуют немецкий язык в семье и быту; не хотели бы уезжать в Германию, но при этом готовы передавать свое культурное и языковое наследие потомкам; сохраняют некоторые культурные традиции и ценности, будь то праздники или религиозная принадлежность; у каждого из них сохраняется в культурной памяти своя немецкая культурная ценность, связанная с Германией как ее историческим источником, которую они считают особо привлекательной, будь то история страны, кухня или литература.

При этом каждый из респондентов, несмотря на существенные различия между ними, так или иначе ощущает свою уникальность и необычность, связанную со своей би- или мультикультурной семейной или личной историей. Для кого-то из них, как для Андреаса, долго прожившего в реальной немецкой интеллектуальной и бытовой среде, она связана отчасти с негативными эмоциями, однако для остальных, тех, кто всю осознанную жизнь провел в России, их бикультурный, иногда «евразийский», опыт скорее, «изюминка», интересная деталь биографии, повод для особой гордости.

Осознание этих фактов, прямо, хотя и далеко не всегда эксплицитно, связанных с контактами двух богатых и высокоразвитых культур внутри билингвальных сообществ, может помочь общественным организациям проводить более эффективную языковую и культурную политику, способствуя сохранению российскими немцами памяти о своих корнях. Следующим шагом должна стать работа по углублению и расширению геополитического кругозора и языковых навыков. Тем самым представители российских, московских, немцев смогут лучше осознать огромный вклад своего сообщества в развитие России и, в частности, ее главных метрополий. Именно это даст возможность немецко-русскому сообществу передавать и прививать историко-культурные ценности младшим поколениям и тем самым предотвратить постепенное «вымирание» группы, подталкиваемое репатриацией.

Как отметила заместитель председателя Международного союза немецкой культуры Ольга Мартенс в интервью журналу “The Village”, «...я считаю, что каждый российский немец должен приложить все усилия, чтобы его дети и внуки владели языком – только так произойдет восстановление утраченной цепочки»¹⁰. И очевидно, что это относится не только к языку, но также и к образу жизни, и культурному наследию в целом.

Одной из дополнительных намеченных траекторий продолжения данного исследования является проведение глубинных социолингвистических интервью на темы семейной языковой и культурной истории с российскими немцами, эмигрировавшими в Германию, так называемыми *русаками*, ставшими там, наряду с *остями* и *канаками*, еще одной категорией немцев, отличной от западногерманского этнокультурного стандарта.

¹⁰ Российские немцы – о жизни в двух культурах // The Village. URL: <https://www.the-village.ru/people/people/234233-nemtsy>

Мы рассчитываем, что данная статья станет началом большого этногеографического, культурного и языкового исследовательского «погружения» в жизнь этого многостороннего сообщества.

Список литературы

- Григорян Г. Ш.** Влияние этнических процессов на региональный состав мигрантов Москвы после начала Первой мировой войны // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 19–32.
- Иванова О. В.** Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920–1930-е годы // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2006. № 3. С. 781–788.
- Келлер А. В.** Немцы в Москве XVI – начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: Сб. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 850-летию Москвы. М., 1997. С. 53–105.
- Матвеева Н. В.** Социально-демографическое развитие немцев СССР в 1920–1950-х годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург: [б. и.], 2011. 29 с.
- Томан И. Б.** Традиционная культура московских немцев и Октябрьская революция // Мир Большого Алтая. Международный научный журнал. 2016. № 2. С. 272–278.
- Томан И. Б.** Московские немцы: места памяти // Российские регионы: взгляд в будущее. 2020. № 4. С. 16–44.
- Ульянова Г. Н.** Российские немцы: историческая память как зеркало этнического идентитета // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7–9 декабря 2009 г.). М., 2010. С. 78–91.

Список источников

- Айрапетов А. Р.** Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Западная Русь. URL: <https://zapadrus.ru/rusmir/istf/307-1915-36.html> (дата обращения 01.09.2021).
- Краткий курс истории российских Раушенбахов // История рода российских Раушенбахов. URL: <http://www.rauschenbach.ru/ru/istoriya/razdel-istorii-1> (дата обращения 01.09.2021).
- Нойфельд, Катарина.** Из истории российских немцев // Сайт Музея истории и культуры российских немцев. URL: <https://www.russlanddeutsche.de/ru/rossijskie-nemtsy/istoriya/iz-istorii-rossijskikh-nemtsev.html> (дата обращения 01.09.2021).
- Российские немцы – о жизни в двух культурах // The Village. URL: <https://www.the-village.ru/people/people/234233-nemtsy> (дата обращения 01.09.2021).
- Савоскул М. С.** Почему мигрант мигранту не всегда друг, товарищ и брат? Статья вторая // Демоскоп Weekly. 2016. № 681–682. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema01.php> (дата обращения 01.11.2021).

References

- Grigoryan, G. S.** The influence of ethnic processes on the regional membership of migrants in Moscow after the outbreak of the First World War. *History: facts and symbols*, 2019, no. 1 (18), pp. 19–32. (in Russ.)
- Ivanova, O. V.** Socio-cultural adaptation of political emigrants in the USSR in the 1920s – 1930s. *Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2006, no. 3, pp. 781–788. (in Russ.)
- Keller, A. V.** Germans in Moscow of the 16th – early 20th centuries: their cultural and social life. In: *Germans of Moscow: a historical contribution to the culture of the capital. Collection of reports of the International Scientific Conference dedicated to the 850th anniversary of Moscow*. Moscow, 1997, pp. 53–105. (in Russ.)

- Matveeva, N. V.** Socio-demographic development of the Germans of the USSR in the 1920s – 1950s. Abstract. of Cand. of Hist. Sci. Dis. Ekaterinburg, A. M. Gorky Ural State Uni., 2011, 29 p. (in Russ.)
- Toman, I. B.** Moscow Germans: places of memory. *Russian regions: a look into the future*, 2020, no. 4, pp. 16–44. (in Russ.)
- Toman, I. B.** The traditional culture of the Moscow Germans and the October Revolutionю *The world of the Big Altai. International Scientific Journal*, 2016, no. 2, pp. 272–278. (in Russ.)
- Ulyanova, G. N.** Russian Germans: historical memory as a mirror of ethnic identity. In: Germans of new Russia: problems and prospects of development: Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 7–9, 2009). Moscow, 2010, pp. 78–91. (in Russ.)

List of Sources

- A short course in the history of the Russian Rauschenbachs. In: The history of the Russian Rauschenbach family. URL: <http://www.rauschenbach.ru/ru/istoriya/razdel-istorii-1> (accessed: 01.09.2021).
- Airapetov, A. R.** The German pogrom in Moscow in June 1915 in the context of fighting on the external and internal front. *Western Russia*. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/307-1915-36.html> (accessed: 01.09.2021).
- Neufeld, Katherine.** From the history of Russian Germans. In: Website of the Museum of history and culture of Russian Germans. URL: <https://www.russlanddeutsche.de/ru/rossijskie-nemtsy/istoriya/iz-istorii-rossijskikh-nemtsev.html> (accessed: 01.09.2021).
- Russian Germans talk about their lives in two cultures. *The Village*. URL: <https://www.the-village.ru/people/people/234233-nemtsy> (accessed: 01.09.2021).
- Savoskul, M. S.** Why are migrants not always friends, comrades and brothers to each other? Article two. *Demoscope Weekly*, 2016, no. 681–682. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0681/tema01.php> (accessed: 01.09.2021).

Информация об авторах

Дарья Сергеевна Рязанцева, стажер-исследователь
Мира Борисовна Бергельсон, профессор

Information about the Authors

Daria S. Riazantseva, Intern Researcher
Mira B. Bergelson, Professor

Статья поступила в редакцию 20.11.2020;
одобрена после рецензирования 07.08.2021; принята к публикации 10.01.2022
The article was submitted 20.11.2020;
approved after reviewing 07.08.2021; accepted for publication 10.01.2022